

За все время работы с собаками в моем питомнике было очень мало хороших кобелей. Чтобы выяснить, насколько хорош кобель как производитель, нужно повязать с ним несколько сук и, проанализировав его вклад в экстерьер щенков, оценить его препотентность. Чтобы стать популярным производителем, кобель должен обладать выдающимися достоинствами, а по результатам вязок можно определить, насколько он препотентен. Мне повезло - у меня было два таких кобеля: каждый имел свои достоинства и вязался достаточно часто, чтобы оценить его как препотентного производителя. Это были Чемпион Marienburg s Sun Hawk и Dexter v. Franckenhurst.

У Сан Хавка выставочная карьера сложилась очень успешно - он был Доберманом 1. В начале его племенной карьеры были получены Lone Eagle и Mary Hartman, что уже позволило назвать его хорошим производителем. Когда в 1982 году девятилетний Хавк умер от рака, я потеряла интерес и к выставкам, и к разведению. У меня не осталось ничего, что бы я могла показать, и никакой надежды на будущее. Сан Хавк был моей жизнью, моим главным достижением. Как же тяжело было! В то время я жила в штате Монтана и находилась в полной депрессии из-за гибели Сан Хавка. Мне даже не удалось вовремя сохранить его сперму.

Зимой 1985 года мой друг, эмигрировавший в Штаты из Голландии, предложил мне поехать с ним в Европу: посетить Германию, Бельгию и соседние страны. Вот уже 20 лет я не была в Европе и не летала на самолете, который всегда вселял в меня ужас. Но я приняла решение, и ничто не могло удержать меня от этого путешествия. Я побывала на сеансе гипноза, меня снабдили специальной магнитофонной кассетой для релаксации в самолете и дали какие-то успокоительные пилюли. Я села в самолет и решительно приказала себе не поддаваться панике. Все обошлось хорошо. Ни кассета, ни пилюли так и не понадобились.

Поскольку мы летели в Амстердам и собирались на некоторое время остаться в Голландии, я решила позвонить владельцам питомника доберманов "Franckenhurst" Соне и Хьюго Франкемон и договориться о визите к ним. Несколько лет назад они писали мне о желании повязать свою суку с Сан Хавком. К сожалению, вязка не состоялась, но вместо этого они взяли у меня коричневого кобеля из последнего помета от Сан Хавка. Соня и Хьюго встретили нас на ближайшей к их дому железнодорожной станции. Я была удивлена и не могла поверить, что европейские заводчики живут в таких маленьких домах, которые чаще всего стоят в ряд и почти не имеют дворов. Трудно было представить, как можно в таких условиях обеспечить великолепный уход за собаками и предоставить им возможность для хорошего физического развития. Все собаки веселые, здоровые и в прекрасной форме! Несколько раз в день их выводят или на улицу, где они бегают рядом с велосипедом, или туда, где можно вволю порезвиться на просторе. Посмотреть и оценить собаку можно только на улице перед домом, где мимо проносятся машины и нужно быть очень осторожным. У Сони и Хьюго тогда было три добермана: коричневый сын Сан Хавка - Rubicon Santiago v. Marienburg ("Сын"); Ch. Vivre Vivien v. Franckenhurst и ее 3,5-месячный сын из второго помета (от Arrow v. Harro's Berg) Декстер. В большом помете было всего два кобеля. Декстер, единственный из щенков, еще оставался в доме

заводчиков. Бросив на него первый взгляд, я совсем не думала, что возьму его с собой в США, но пока наблюдала за малышом в течение дня, что-то, по-видимому, запечатлелось в моей голове. Щенок был очень общительным и уверенным в себе. Он был без ума от Сони, и когда она сидела в кресле или на диване, он все время пытался забраться к ней на руки. Мы вывели его на улицу, и он замер в стойке, как будто всегда знал, что нужно делать (конечно же, его этому учили с помощью мячика). Глядя на него, я поняла, что никогда раньше не видела таких совершенных «кошачьих» лап на толстых подушечках пальцев. Даже в день смерти его лапы оставались такими же совершенными. Я годами не подстригала ему когти - но они всегда выглядели так, словно их только что подстригли. У него был крепкий, даже массивный, костяк, при этом щенок совсем не выглядел грубым. Он был среднего роста, и шкурка облегла его, как перчатка: он был совершенно «сухим», никаких складочек. Подпалины были глубокого красного цвета и четко очерчены. И темные-темные глаза. Уши высоко посаженные. Даже в старости я ни разу не видела его с опущенными ушами. Шерсть была густая и плотно прилегающая, гладкая и приятная на ощупь - мне всегда нравилось гладить его. До самой смерти у него не было седины. Его мужественная голова была прекрасна, морда - с хорошо выраженным подбородком - чего всегда не хватало моим собакам. Его линии и пропорции отличались от привычных для меня, и, конечно же, хвост был купирован слишком коротко. Когда я смотрела на него, я думала не о том, какую выставочную карьеру он сможет сделать, а прежде всего о том, что я хочу иметь такую собаку, не похожую на моих прежних собак, с такими качествами, которых я не видела прежде. Меня просто захватила мысль о том, каким это будет вызовом - держать такого кобеля и производителя.

В тот же день мы побывали в гостях у владелицы питомника «Neerlands Stam» г-жи Кнайфф-Дермоут. Ничего не зная о ее известности и том уважении, каким она пользуется среди заводчиков, я была поражена тем, что г-жа Кнайфф занимается доберманами уже почти 80 лет. Она - невероятно прямой и откровенный человек. Когда несколько лет спустя я посетила ее снова, она заявила в присутствии нескольких заводчиков и экспертов, что ей не понравился коричневый кобель, которого Соня привезла из Америки. Она сказала, что он длинный и имеет неправильный круп. Я не знаю, помнила ли она, что именно я продала его Соне, но она была права: по европейскому стандарту Сын был действительно длинноват и имел «кругловатый» круп.

В свой первый приезд, дома у г-жи Кнайфф я познакомилась с Джоханом ван дер Цваном. Позже Джохан унаследовал ее питомник «Neerlands Stam» и стал его владельцем. В то время он и г-жа Кнайфф только что купили однопометницу Декстера - Dea Dolores v. Franckenhorst («Ди»), в которую я сразу же влюбилась. Разумеется, купить ее было невозможно. Позже она стала победительницей многих рингов в Европе и одной из лучших производителей.

Арнольд Джекобсон дал мне адреса многих владельцев доберманов, к которым и Европе я могу обратиться, чтобы посмотреть их собак. Еще несколько имен назвала Соня. Кроме того, нам повезло - в Люксембурге проходила крупная выставка собак всех пород, и мы могли туда поехать.

В Германии мы посетили три питомника, в том числе знаменитый питомник Furstefeld" и ведущий немецкий питомник тех лет "Nymphenhurg". И везде прекрасные люди встречали нас и показывали своих собак. Мой друг свободно говорит по-немецки и по-голландски, поэтому мне было достаточно легко. Мои глаза понемногу привыкали к европейским доберманам. Затем мы отправились на выставку.

В ринге собаки стояли в свободных позах, их ставили в стойку лишь тогда, когда их оценивал эксперт, и затем - при сравнении. Никто не держал их за хвосты и не затягивал цепочки на шеях под головой. Сначала мне все это совершенно не понравилось, но через некоторое время я увидела, насколько лучше собаки выглядят в естественной стойке. Их глаза горят, уши стоят. Они веселы - им все нравится, они получают настоящее удовольствие от выставки. Они ведут себя так же свободно, как во дворе дома - порой они стоят с достоинством на миллион долларов. Нет затянутых на горле удавок и насильно задранных хвостов, никто не удерживает собак на месте в статичной позе. Если у собаки плохой характер, ее практически невозможно показать по-европейски. Европейский способ показа не позволяет скрыть недостатки собаки.

Неумолимо приближался день, когда мы должны были возвращаться в Америку. В конце концов я приняла решение, позвонила Соне и сказала, что хотела бы купить Декстера. Мы сразу обо всем договорились, и они бросились получать необходимые бумаги. В аэропорту Амстердама они передали нам Декстера, и мы увезли его с собой как "лишний вес";

